

Небо на горизонте посветлело. Из комнаты, где всю ночь горел свет, донеслись два частых тяжелых вздоха — словно после только что завершившейся бурной тренировки, когда дыхание еще не успело прийти в норму.

Адреналин постепенно спадал. Оба лежали на мокрой от пота постели, каждый на своей стороне, четко разграниченные, будто реки Вэй и Цзин.

В голове Лян Циншэна прояснилось, но он предпочел бы оставаться в тумане: события этого дня потрясли все его представления о мире. Измена Фэн Ли, их расставание, а затем — секс с соседом по комнате.

Целая пачка презервативов ушла подчистую. В комнате царил такой кавардак, что на это было больно смотреть.

За все свои двадцать лет он еще никогда не чувствовал себя настолько безумно. В ноющей от напряжения голове ощущалось легкое недомогание, но тело при этом оставалось необычайно возбужденным и бодрым.

Он встал с постели, нащупал в кармане своих брюк пачку сигарет, а затем молча натянул мятую одежду. Одна из пуговиц на ней оторвалась, когда Цы Ханьсун в исступлении вцеплялся в него.

Цы Ханьсун лежал под одеялом. Будучи тем, кто принимал удар на себя, он восстанавливался не так быстро. Тело жутко болело, но одновременно с этим переполняло сладкое блаженство — наконец-то, после стольких лет тайных мыслей, он смог попробовать запретный плод. Он не сводил глаз со спины Лян Циншэна.

В душе его шевельнулся холодок: если тот сейчас молча оденется и уйдет, наплевав на него и на то, жив он вообще или нет, он поклялся, что найдет людей и сгноит его.

Его молочно-белая кожа на верхней половине тела была сплошь покрыта синяками и круговыми следами от зубов, оставленными от нехватки сил. Впрочем, на нем еще живого места оставалось больше: хоть Лян Циншэн и вел себя жестко, но все же сдерживался.

А вот Цы Ханьсун — совсем другое дело. Тот ни капли не щадил партнера. Недавно он краем глаза заметил, что на крепкой смуглой спине и плечах Лян Циншэна не осталось ни единого целого участка кожи — все было исполосовано красными отметинами от его ногтей и укусов.

К счастью, Лян Циншэн оделся, но уходить не стал. Вместо этого он уселся на диван, намереваясь выкурить сигарету, чтобы успокоиться и распутать этот невероятно запутанный узел отношений.

Небо еще не до конца рассвело, а в воздухе, казалось, все еще витал тот густой, насыщенный

запах, который долго не хотел рассеиваться.

В том, что касается расставания с Фэн Ли, сомнений не было, и сожалений он тоже не испытывал.

Но... Цы Ханьсун.

При этой мысли он услышал тихий шорох — звук босых ног, ступающих по полу.

Затем его ослепило внезапное белое сияние.

Хотя он любовался этим телом всю ночь, ласкал его и целовал, он все равно никак не мог привыкнуть к этой невероятно белой коже. Когда их пальцы переплетались, контраст черного и белого был настолько разительным, будто сам он прибыл из какой-нибудь Африки.

Цы Ханьсун, с нылшей поясницей и болью в бедрах, совершенно голый, самым естественным образом раздвинул руки Лян Циншэна и закинул ногу, усаживаясь верхом на колени мужчины.

Остатки рассудка, которые Лян Циншэн только что попытался вернуть с помощью сигареты, в одно мгновение рассыпались в прах. Он вытащил сигарету изо рта, боясь обжечь оказавшегося так близко человека.

Он отвел взгляд, стараясь не смотреть на него, а в его глубоких глазах мелькнула тень замешательства. Хотя вчера вечером именно Цы Ханьсун настойчиво приставал к нему, Лян Циншэн обладал над ним абсолютным превосходством и не позволил бы принуждать себя.

Что же до слов о возможном изнасиловании Фэн Ли — не говоря уже о том, что он сам никогда бы не совершил подобного, даже если бы и совершил, какое это вообще имело отношение к Лян Циншэну?

Они уже давно не состояли в отношениях.

Поэтому та связь была лишь проявлением его собственных желаний — ему просто не хотелось отказывать.

Цы Ханьсун надел очки. Те дорогие очки не пострадали, и хотя на нем не было ни одежды, эта строгая оправа придавала ему невыразимую, соблазнительную пикантность.

— Чего ты прячешься? — он сидел у него на коленях, сжав пальцами его подбородок и заставляя смотреть прямо себе в глаза.

Это был взгляд друг на друга в полном сознании. В глазах Лян Циншэна залегли мрачность и холод, но, встретившись с персиковыми глазами, у которых еще не сошла покрасневшая от слез кожа у уголков, он все же ощутил, как в душе шевельнулось нечто инородное.

Кто бы мог подумать, что этот отрешенный и строгий, словно бедный лотос, Цы Ханьсун в постели был настолько распутным и ненасытным?

В памяти всплыл застенчивый нрав Фэн Ли, который вспыхивал от одного прикосновения, и его вид неудовлетворенности в чужих объятиях — пожалуй, все мужчины в глубине души были одинаковы.

В этот момент его губы кто-то яростно укусил.

Лян Циншэн шумно втянул воздух и уставился на него:

— Ты какого хрена творишь?

Уголок его губ кровоточил — в этот укус не пожалели сил.

— Я сижу у тебя на коленях, а ты о ком это думаешь, витая в облаках? О Фэн Ли? — Цы Ханьсун прищурил глаза с опасным прищуром, и от стекол очков, казалось, повеяло холодным блеском. Лян Циншэн на мгновение замер — он никак не ожидал, что тот догадается с первой попытки, и ему оставалось лишь умолкнуть.

Цы Ханьсун усмехнулся, бросив на него холодный, равнодушный взгляд:

— А в постели ты тоже думал о том ублюдке? Вот и молчишь теперь, боясь перепутать имена?

— Нет, — Лян Циншэн с самого начала и до конца не воспринимал его как кого-то другого.

Он отвернулся, сделал еще одну затяжку, и на его лице застыло глубокое уныние. Цы Ханьсун перехватил его руку, намереваясь зубами вытащить сигарету прямо из его пальцев. Лян Циншэн выглядел так, будто не знал, что с ним делать. Тот походил на острый, обжигающий перчик — безусловно красивый, но чертовски сложный в обращении.

— На столе есть сигареты, я эту почти докурил... — Лян Циншэн не привык к столь интимным вещам, как курение одной сигареты на двоих.

Цы Ханьсун обладал способностью видеть людей насквозь и тут же догадался, что тот просто брезгует. Он протянул руку и ласково погладил его по уху, а затем придвинулся к самому лицу и, с амбивалентной нежностью соприкасаясь щеками, двусмысленно произнес:

— Я твоего младшего брата вдоль и поперек изнасиловал, а тебе жалко какой-то сигареты для меня?

У Лян Циншэна дрогнули пальцы, и сигарета чуть не выпала, едва не пропалив кожаный диван. Встретившись взглядом с его насмешливыми глазами, он словно в знак вызова сам поднес начатую наполовину сигарету к его губам. Цы Ханьсун бросил на него косой взгляд, после чего, словно делая одолжение, зажал зубами влажный фильтр и затянулся. Эта сигарета оказалась еще крепче и едче, чем его собственная.

Он выпустил струю дыма, нарочно пустив ее прямо в холодное, резкое лицо Лян Циншэна.

Сквозь пелену дыма он разглядел эти холодные, соблазнительные черты, в чьем взгляде сквозила лукавость — вылитый воришка-песец, полакомившийся чужим угощением.

У Лян Циншэна кадык дернулся, и он снова почувствовал неладное. Резко вздохнув, он обхватил его за талию и, подавшись вперед, затушил сигарету в пепельнице на журнальном столике.

— Хватит меня соблазнять, блядь, я уже больше не могу, — хрипло произнес Лян Циншэн.

Цы Ханьсун, подчиняясь движению, закинул руки ему на шею, а уголки его губ искривились в насмешливой улыбке:

— С виду грозен, а на деле пуст.

Лян Циншэн: «.....»

Ему безумно хотелось прижать этого наглеца к месту и отчитать еще разок.

— Презервативы кончились, не дури.

— Ничего страшного, вну... — Цы Ханьсуну зажали рот рукой.

Лян Циншэн вовсе не собирался слушать эти провокации и просто прервал его на полуслове. Его ладонь закрыла бледное личико, так что виднелись лишь глаза, в которых по-прежнему таилась какая-то двусмысленная усмешка.

Цы Ханьсун прекрасно понимал, что ничего не выйдет: даже когда он пьян, он неизменно требует средств защиты, а уж сейчас, будучи в полном сознании, и подавно.

— Чего ты хочешь? — Лян Циншэн разжал руку, опустил взгляд и тихо спросил.

Он искренне не понимал, зачем этому человеку понадобилось к нему цепляться. Сам он — парень без особого образования, учился в колледже, семья у него хоть и состоятельная, но не настолько, чтобы деньгами сорить, да и у него самого водились неплохие деньги.

— Сам-то как думаешь, чего я хочу? — Голос Цы Ханьсуна звучал хрипло и жестко, в каждом слове чувствовался вызов.

Лян Циншэн: «Я не знаю».

— Не хочешь брать ответственность? — Цы Ханьсун навалился на его плечи, притирая к спинке дивана, и посмотрел на него сверху вниз.

Лян Циншэн бросил взгляд на его тело, тут же отвел глаза, чувствуя себя виноватым, и, столкнувшись с его предупреждающим взглядом, заикнулся:

— Я...

Просто невозможно было сказать «нет» мужчине, чье тело до сих пор пестрело следами от его же поцелуев и укусов.

Но он только что пережил крах прошлых отношений и вовсе не горел желанием тут же бросаться в омут новых.

— Понятно. Будем считать, что меня собака укусила, блядь... — решив прибегнуть к тактике отступления для наступления, Цы Ханьсун холодно усмехнулся и попытался встать у него с колен.

Лян Циншэн схватил его за запястье — силы ему было не занимать, и он попросту не позволил ему подняться. Еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким жалким:

— Я вовсе не отказываюсь от ответственности, но ты же сам знаешь: я только вчера расстался с Фэн Ли, а уже на следующий день сошелся с тобой. По-твоему, это нормально?

В мыслях Цы Ханьсун ехидно усмехнулся: что тут ненормального, да просто отлично!

Но он понимал, что тот рассуждает иначе.

Холод в глазах Цы Ханьсуна немного померк:

— Тогда давай будем сексологами.

В конце концов, он и сам польстился именно на это.

— «.....» — Лян Циншэн вовсе не считал подобное предложение удачным.

— Никуда не годится... — Лян Циншэн нахмурился.

— А, хочешь на халяву переспать? Ну так пользуйся, раз бесплатно. — Выражение лица Цы Ханьсуна стало ледяным, однако на Лян Циншэна это не производило ни малейшего впечатления — уж слишком забавным был контраст.

— Я не собираюсь пользоваться тобой бесплатно, сколько тебе нужно денег... — послушно заговорил Лян Циншэн.

— Ты меня за шлюху держишь? — Взгляд Цы Ханьсуна стал еще ледянее.

— «.....» — У Лян Циншэна иссякли все варианты. Он разжал руку — его и без того скромный нрав исчерпал лимит терпения, уговаривать кого-то подобным образом было для него пределом.

— Тогда убирайся.

Цы Ханьсун на секунду замер. Заметив, что тот смотрит на него тяжелым взглядом, а на лице проступает едва сдерживаемое раздражение, он перестал цепляться.

На сердце у него заскреблось. Он ведь просто хотел сохранить с ним связь, пусть даже в статусе сексологов — неужели тот настолько против?

Но он не принадлежал к тем людям, которые от обиды тут же смиряются и уходят. Опять плюхнувшись на колени к Лян Циншэну, он обхватил его за шею и снова впился в губы поцелуем, и во рту у обоих разлился горьковатый привкус табака.

Лян Циншэн опешил. Заметив в его глазах свирепую, пугающую до дрожи одержимость, он попытался оттащить его руки, но безуспешно.

Применять грубую силу не хотелось, и он позволил ему целовать себя — в конце концов, они уже занимались куда более интимными вещами, так что терять было нечего.

Поцелуй получился хищным, до боли в разбитых губах.

— Ты, блядь, чуть меня не угробил... Я что, настолько хуже Фэн Ли? — Цы Ханьсун с

покрасневшими глазами, поджав губы, бесстрастно смотрел на него.

При одном упоминании Фэн Ли Лян Циншэна вновь бросало в жар, и обсуждать, кто из них лучше, он был намерен меньше всего. Тихо глядя на него, он холодно бросил:

— За тобой толпами бегают, какого черта ты унижаешься и цепляешься ко мне? У меня сейчас в мыслях нет заводить отношения.

Цы Ханьсун долго-долго смотрел на него. Оттого что он слишком долго пробыл обнаженным, тело замерзло, а по рукам побежали мурашки, и он наконец разжал пальцы.

Он прекрасно понимал, что сейчас любые попытки удержать Лян Циншэна вызовут лишь раздражение, так что лучше уйти самому.

Больше он не произнес ни слова.

Лян Циншэн провожал его взглядом и видел, как тот идет ровной походкой, хотя ноги едва заметно дрожат, а маска холодной неприступности держится лишь из последних сил.

Опустив веки, он почувствовал себя последней сволочью.

Но он действительно еще не решил, как именно должен загладить перед ним вину.

Раздался щелчок закрывающейся двери, и напряжение наконец отпустило. Лян Циншэн откинулся назад, утопая в мягких подушках дивана, и вдруг с глухим осознанием подумал о том, что они с Цы Ханьсуном были так близки, но у него до сих пор нет даже его номера телефона.

У порога на полу одиноко стоял черный зонт, который тот принес с собой прошлой вещью. Дождь на улице все еще не прекращался, и оконные стекла размывали тусклые краски пасмурного дня.

<http://bllate.org/book/21585/2224494>